

Глава 56. Шэн/Ван

Сюй Ван несколько минут ждал за поворотом коридора, намеренно дожидаясь звонка на урок. Только когда учитель вошёл в класс и поднялся на кафедру, он, подстраиваясь под его шаг, прокрался через заднюю дверь.

Учитель не обратил на него внимания.

Но, к сожалению, около восьмидесяти процентов одноклассников в этот момент словно прониклись с ним единым порывом и дружно обернулись.

В их глазах не было злобы.

Те, с кем он обычно общался, смотрели с заботой и тревогой. Те, с кем отношения были прохладными, — с сочувствием или простым любопытством.

Смерть матери.

Это было хуже, чем если бы небо рухнуло на землю.

К счастью, подумал Сюй Ван, они еще не знали, что он пробыл в доме родного отца меньше недели, прежде чем его выставили. Иначе староста класса уже к концу дня соорудил бы ящик для пожертвований, чтобы собрать для него пожертвования.

Игнорируя все взгляды, он юркнул на свое место, бросил рюкзак, достал учебник и уставился на доску. Выражение лица — естественное, тело — расслабленное, будто это был самый обычный день, будто он, как всегда, вернулся в общежитие после обеда, как всегда опоздал к первому уроку и как всегда прокрался на место через заднюю дверь.

Лёгкость привычных движений, будничная простота.

Учитель постучал по доске, и одноклассники, оглядывавшиеся или косившиеся в его сторону, поспешно вернулись к уроку.

В их взглядах уже не было жалости и сочувствия, теперь там читались недоумение, растерянность, неодобрение или нерешительность. Но в конце концов все они устремились к доске.

Сюй Ван был доволен.

Слишком много доброты делает человека уязвимым. Немного равнодушия — в самый раз.

— Страница восемьдесят шестая... — Учитель английского языка приступил к сегодняшней теме повторения.

Сюй Ван наклонился к учебнику, воспользовавшись моментом, чтобы сильно зажмуриться.

Он подавил подступающее жжение в глазах.

Кто-то смотрел на него. Сюй Ван был к этому взгляду особенно чувствителен. В обычные дни он бы уже радостно начал сочинять в голове эссе на тему «Похоже, наш староста тоже меня любит».

Но сегодня ему не хватало вдохновения для таких высокопарных мыслей, поэтому он просто честно посмотрел в ответ и беззвучно спросил У Шэна:

— Соскучился?

Возможно, он улыбался слишком ярко, потому что взгляд У Шэна стал недобрый.

Через несколько секунд в его сторону полетела стопка аккуратно скрепленных листов, а вместе с ними — бумажный шарик, по траектории напоминающий поцелуй в лоб.

Развернув шарик, Сюй Ван увидел красивый почерк старосты — контрольные за прошлую неделю.

Он перелистал пустые листы: ответы были написаны отдельно в конце каждого предмета, к сложным задачам прилагались пояснения. Очевидно, У Шэн хотел, чтобы он сначала попытался решить сам, а потом сверился с готовыми ответами. Такая забота... Стоп. Математика, английский, естественные науки...

Сюй Ван поднял голову и выразительно приподнял бровь, прижав руку к сердцу: «А где мой любимый китайский?»

У Шэн наклонился, что-то быстро написал, свернул в шарик и метко швырнул.

Сюй Ван не собирался попадаться дважды, ловко поймал его и развернул:

— «Аппетит приходит во время еды».

Он не сдержал смеха.

На этот раз — искреннего.

У Шэн был общепризнанным первым в школе по общим оценкам, и по каждому отдельному предмету он тоже занимал первые места, без исключений. Кроме китайского.

Сюй Ван, в свою очередь, был известен своей «однобокостью»: по математике, английскому и естественным наукам он был середнячком, зато по китайскому неизменно занимал первое место, являясь самой яркой звездой в сердце классного руководителя Лао Чжана.

Если бы не более широкий выбор специальностей в технических вузах и личное желание остаться в одном классе с У Шэном, Сюй Ван при разделении на гуманитарные и технические классы выбрал бы первое.

Увидев, что Сюй Ван улыбается, У Шэн расслабился и тут же услышал громкий голос учителя английского:

— У Шэн!

Судя по интонации, это был уже не первый зов.

У Шэн поспешно вскочил, встретив взгляд учителя, полный ожидания.

Чего?

На лице старосты читалось полное недоумение.

Оглядевшись, он увидел, что несколько одноклассников уже стоят, понуро опустив головы. Очевидно, учитель задал сложный вопрос, и те, кого вызвали, попали в ловушку.

Большинство ждало зрелища, если даже У Шэн окажется не готов, учитель, ставящий его в пример, будет потрясён до глубины души.

В решающий момент Цянь Ай с первого ряда прикрылся учебником, резко обернулся и с преувеличенной артикуляцией, которую не скрывали его пухлые щёки, прошептал:

— У-чи-те на-и-зу-сть!

У Шэн наконец вспомнил.

Вчера учитель английского задал выучить важный текст, заявив, что в нём собраны все ключевые грамматические конструкции, которые точно будут на экзамене. «Выучите — получите баллы. Бесплатные баллы — хотите, берите, нет — ваше дело».

Сейчас стоящие ученики своим видом ясно дали понять: «Не хотим».

У Шэн собрался и начал читать текст — ровно, с правильным произношением и естественной интонацией.

Зрители разочарованно вздохнули.

Было бы интереснее, если бы У Шэн запнулся. Но он ответил, как всегда, безупречно, что в этом нового?

Закончив, он получил одобрителный кивок учителя, и все наконец смогли сесть.

Когда У Шэн снова взглянул на Сюй Вана, тот уже уткнулся в учебник, притворяясь спящим.

Спал он или нет — У Шэн не знал.

В памяти оставался момент, когда Сюй Ван рассмеялся из-за бумажного шарика. Если он и правда спал, У Шэн надеялся, что ему снится, как в него снова кидают шарики.

Спал на уроках, на переменах мчался в туалет быстрее всех, но, когда У Шэн шёл за ним — там никого не было.

Весь день Сюй Ван не дал никому из одноклассников шанса «проявить заботу».

Наконец дождавшись конца вечерних занятий, класс вздохнул с облегчением, зашуршали сумки. Те, кто жил дома, спешили уйти, а обитатели общежития торопились в свои комнаты.

Сюй Ван, наоборот, словно ожил, быстро собрался, перекинул рюкзак через плечо и бодро бросил:

— Всем пока!

У Шэн удивился:

— Ты не идёшь в общежитие?

— Отец волнуется, заставляет ночевать дома. — Сюй Ван пожал плечами с видом «я бы рад, но что поделать».

— А. — Они долго смотрели друг на друга. У Шэн чувствовал, что хочет что-то сказать, но мысли путались, и в итоге он выдал сухое, — Береги себя.

Сюй Ван замер, потом рассмеялся:

— Если на меня нападут, чтобы ограбить, — они обанкротятся. А если чтобы изнасиловать... — Он нарочито задумался, затем задорно подмигнул. — С теми, у кого такой хороший вкус можно и познакомиться.

У Шэн: «...»

Как он добрался до общежития У Шэн не помнил. Осознание, что что-то не так, пришло только к одиннадцати вечера.

В комнате выключили свет, но над каждой кроватью горели маленькие светильники. Соседи по комнате сражались с задачами, и только кровать под ним пустовала, холодная и одинокая.

Дома?

С упрямым характером Сюй Вана, если бы не смерть матери, он бы ни за что не пошёл в дом отца. А теперь, побыв там несколько дней, его в спешке отправили обратно в школу. Даже если бы У Шэн был тугодумом, он бы всё равно всё понял.

А он тугодумом не был.

В вопросах человеческих отношений он был куда проницательнее других.

Вспышка молнии озарила окно, вдали прокатился гром.

Апрельские дожди всегда были особенно частыми.

У Шэн спустился с кровати, вышел в коридор и набрал номер Сюй Вана.

Телефоны в школе запрещены, но у учеников всегда находились тысячи способов обойти правила.

Долгие гудки. Никто не брал трубку.

У Шэн набрал снова.

На третий раз на звонок наконец ответили, и прежде чем он успел заговорить, в трубке раздалось возмущение:

— Ты что, совсем с ума сошёл? Мешаешь однокласснику спать?!

Голос звучал искренне, но был хриплым и гнусавым.

У Шэн не стал притворяться:

— Что с голосом?

— Попробуй сам проснуться среди ночи, посмотрим, как ты заговоришь! — В трубке зевнули, старательно изображая сонливость.

У Шэн прищурился:

— Где ты?

Пауза.

— У отца.

— Ба-баааа-бах —

С обеих сторон трубки прогремел один и тот же раскат грома.

— Я спрашиваю в последний раз. — голос У Шэна стал ледяным. — Где ты?

Тишина.

— Если повесишь трубку, я прямо сейчас пойду к дежурному учителю и скажу, что одноклассник пропал. Пусть всё общежитие поднимают.

— Да ты совсем...

— Враг слишком хитёр.

— Может, просто отстанешь?

— Могу. Вернёшься и переедешь в другую комнату. Пусть тут живёт кто-то, кто не мешает соседям спать.

— Я же даже не там! Как я могу мешать?!

— Нижняя кровать пустая, сквозняк мешает спать.

«...»

Через пять минут У Шэн оделся, выбрался из общежития и растворился в дожде, направляясь к учебному корпусу.

Если бы в третьем классе средней школы кто-то сказал ему:

«У Шэн, в старшей школе у тебя появится друг — ненадежный, импульсивный, вечно лезущий в драки, ищущий приключений на свою голову, не слушающий советов. На каждую твою колкость он ответит своей, на каждый твой бумажный шарик кинет колпачок от ручки. И всё равно он будет тебе дорог. Никто другой не подойдет, только он. Не увидишь его один день и будешь тосковать»

Он бы счёл это проклятием, причем крайне небрежным, ибо слишком много нестыковок.

Теперь он уже в выпускном классе.

И окончательно понял: в мире нет ничего абсолютного.

В начальной школе он часто переезжал, и у него не было постоянных друзей. В средней, он погрузился в учёбу, не заводя близких. В старшей, став старостой, стал для класса «ходячей библиотекой», к нему чаще обращались за помощью с задачами, чем просто поболтать. Даже в общежитии, когда другие дурачились, его словно не замечали, а если случайно задевали — сразу извинялись за то, что отвлекли от учёбы.

Его не тянуло к детским шалостям, но участвовать и быть принятым — разные вещи.

Сюй Ван появился на месяц позже, в октябре первого семестра. У Шэн запомнил это особенно чётко — тогда тоже лил дождь, и вода затекала в щели окон, заливая подоконники. Никто не обращал на это внимания, и только Сюй Ван взял тряпку и принялся вытирать воду, а потом оглядел комнату и уставился на него:

— У тебя есть ещё тряпка?

У Шэн в тот момент слушал английский и снял наушники:

— Что?

— Тряпка. Чтобы подложить на подоконник. Иначе опять образуется лужа.

У Шэн покачал головой.

Уборка в их комнате всегда была чем-то мифическим, даже тряпка Сюй Вана была чьим-то старым полотенцем.

Сюй Ван нахмурился и разочарованно вздохнул:

— А лицо у тебя такое... будто любишь убираться.

У Шэн: «...»

Остальные соседи тоже возмутились:

— А у нас что, лица не такие?!

Чтобы доказать обратное, они дружно привели в порядок подоконники и пол, а на следующий день вызвали мастера починить протекающие окна.

Конечно, У Шэн тоже участвовал.

Так Сюй Ван впервые заявил о себе.

Следующий «разговор по душам» случился в выходные, когда в комнате остались только они двое. У Шэн решал задачи на верхней кровати, Сюй Ван внизу читал книгу. Стояла уютная тишина, пока Сюй Ван вдруг не пнул его кровать:

— Если будешь всё время учиться - отупеешь.

У Шэн, почему-то подыграв, отложил ручку и свесился вниз:

— Ты ко мне обращаешься?

Сюй Ван тут же сел, словно поймал его на чём-то:

— В комнате только мы двое, а ты еще спрашиваешь! Уже отупел, староста! Одумайся!

— Ладно. — У Шэн редко прислушивался к советам. — А что делать вместо учёбы?

— Да что угодно! — Сюй Ван сказал это с видом мудреца. — Жизнь должна быть разнообразной.

У Шэн серьёзно задумался:

— В начальной школе я учил фортепиано и олимпиадную математику, в средней — го и коньки. В старшей — времени было мало, и я попробовал рисовать, но оказалось, что у меня нет таланта. Теперь вот учу программирование. Внеклассное чтение — всего одна-две книги в неделю. Действительно, какая же у меня скучная жизнь. Может дашь конкретные советы по «разнообразию»?

Сюй Ван: «...»

— Я с тобой больше не дружу!

У Шэн до сих пор помнил, как Сюй Ван тогда округлил глаза и надул щёки, словно разозленный кот в тигровой шкуре — милее самой сложной математической задачи.

Именно тогда он впервые осознал: «А, мы уже друзья».

Класс 3-7.

У Шэн стоял у задней двери, волосы были мокрые от дождя, по лицу стекали капли.

Сюй Ван сидел за партой, подперев голову рукой. Увидев его, он будто улыбнулся, но в темноте, без лунного света, всё было лишь тенью.

— Ты без зонта? — спросил он с подчеркнутой серьёзностью.

Стиснув зубы У Шэн зашёл, и сел рядом:

— Даю тебе последний шанс.

Сюй Ван выпрямился и важно заявил:

— Как мы пойдем обратно в общежитие в такой ливень?

У Шэн посмотрел на него пару секунд, затем резко схватил его телефон со стола.

Сюй Ван опешил:

— Ты чего?

— Позвоню твоей маме. — У Шэн открыл контакты. — Скажу, что ты ночью шатаешься по школе.

— Ты совсем больной?! — Сюй Ван бросился отбирать телефон. — Мама умерла, умерла, ты...

Хриплый голос сорвался в рыдания.

У Шэн крепко обнял его.

Сюй Ван отчаянно вырывался, но не мог освободиться, он и не подозревал, что У Шэн такой сильный.

Дождь усилился, гром и ливень слились в оглушительный грохот.

Сюй Ван наконец разрыдался, обхватив У Шэна, подобно обиженному ребенку.

— Когда они разводились... мама сказала... что забрала меня у отца...

— Но он вообще не хотел меня...

— В первом классе старшей школы я хотел жить в общежитии... она не разрешала, а я упрямялся...

— Она уже тогда болела, но не говорила... а я все злился...

— Я не хочу жить у отца... но и домой боюсь...

— Мне кажется, мама всё ещё там... ждёт, чтобы отругать за плохие оценки... боюсь, что если вернусь — проснусь...

— У Шэн... почему плохие люди живут спокойно, а хорошим так тяжело?..

Сюй Ван выплеснул всю боль, сожаление, и гнев.

У Шэн молчал, только гладил его по голове, тихо поддерживая.

Дождь лил всё сильнее, гром гремел всё громче и казалось, это уже не апрель, а разгар лета.

Сюй Ван выплакался, голос окончательно сел, но на душе стало легче. Грусть осталась, но уже не такая острая, не такая — от которой хочется плакать при каждом слове.

Вся куртка У Шэна промокла настолько, что Сюй Ван не мог понять, где дождь, а где его слёзы.

Он украдкой поднял голову.

У Шэн тоже смотрел на него.

Или, подумал Сюй Ван, всё это время смотрел — тихо, нежно, что совсем не было похоже на него.

Ночь была тёмной, без лунного света, но Сюй Ван мог поклясться, что в этом взгляде он увидел то, чего так хотел.

Безумие. Одержимость.

Он медленно приблизился.

Ближе, ещё ближе, настолько, что уже мог чётко видеть в глазах У Шэна своё отражение.

И вдруг глаза напротив дрогнули, и замешательство всё затмило.

Сюй Ван запаниковал и, не раздумывая, поцеловал его.

Но У Шэн быстро отреагировал и инстинктивно оттолкнул его, не рассчитав силу.

— Бам! —

Сюй Ван грохнулся на пол.

Он спиной задел парту, и ударился копчиком, но не чувствовал боли. Первые секунды он

просто сидел, ошеломлённый, с абсолютно пустой головой.

У Шэн тоже не знал, что делать.

Сердце колотилось так сильно, что, если бы не дождь, его стук было бы слышно.

Он хотел извиниться, но не мог. Хотел помочь встать, но боялся протянуть руку.

Он боялся, что Сюй Ван спросит «почему». Впервые в жизни он боялся вопроса!

Сюй Ван постепенно пришёл в себя и почувствовал боль.

Спина, попа, глаза — всё болело, а в груди и того ещё хуже: ноющая, сжимающая пустота.

Он попытался глубоко вдохнуть.

Не получилось.

Второй раз.

Третий...

Наконец, с неведомо какой попытки, ему это удалось, подобно вынырнувшему из воды человеку, который наконец глотнул воздуха.

У Шэн всё ещё сидел в ступоре, что было даже необычнее, чем его нежность.

Сюй Ван смерил его взглядом, потом вдруг фыркнул, облокотился на ножку парты и лениво протянул руку, будто так и надо:

— Хватит корить себя. Помоги встать.

У Шэн выдохнул с облегчением и тут же поднялся.

Сюй Ван взял его руку, та была холодной, влажной от пота.

Дождь безумствовал.

Идя по коридору, и глядя на потоки воды по стеклу, казалось, будто брызги долетают аж до

кожи.

У Шэн и Сюй Ван шли друг за другом в тишине.

С тех пор как они вышли из класса, никто не проронил ни слова.

Длинный коридор казался бесконечным. В какой-то момент У Шэн забеспокоился, вдруг Сюй Ван больше не за ним?

Он резко остановился и обернулся.

Сюй Ван вздрогнул и тут же уставился в окно — так внимательно, будто в стекающих каплях можно было разглядеть узор.

У Шэн замер.

Даже в полутьме он видел, как по лицу Сюй Вана текли слёзы.

Те первые, отчаянные слёзы остались на его куртке. У Шэн был уверен, что, когда они вышли из класса, Сюй Ван не плакал.

Он опустил глаза, делая вид, что ничего не заметил, и пошёл дальше, но внутри всё перевернулось.

Тихие слезы Сюй Вана ранили сильнее, чем предыдущие.

Но он не смел спросить «почему».

Как и тогда, в классе, когда Сюй Ван шутливо сказал «корить себя».

В чем корить?

Один недоговаривал, другой боялся копнуть глубже. Казалось, они понимали друг друга без слов, но все было так неясно...

Молния сверкнула за окном, так близко, будто прошла по стеклу, на миг осветив коридор.

Почти одновременно с ней оглушительно прогремел гром.

У Шэн прищурился от яркого света и, когда грохот стих, наконец обернулся:

— Опасно. Может, подождём...

Он замолчал.

Позади никого не было.

Только пустой коридор, тёмный и холодный, будто ведущий в самые глубины тьмы.

.....

Сюй Ван готов был поклясться, что шёл прямо за У Шэном.

Но постепенно всё вокруг стало расплываться, портреты на стенах искажались в свете молний, как картинка на старом телевизоре с плохим сигналом, в глазах рябило, а голова раскалывалась от боли.

Ему стало страшно.

У Шэн как раз обернулся, его губы шевелились, то ли он говорил про грозу, то ли ещё про что-то.

Сюй Ван крикнул:

— Не слышу!

Но У Шэн не реагировал.

Более того, его взгляд будто проходил сквозь него.

Снова сверкнула молния, и даже силуэт У Шэна начал расплываться.

Сюй Ван пересмотрел кучу ужастиков, но ни один не шёл в сравнение с этим моментом.

Он изо всех сил бросился к У Шэну, если слова и взгляд не работают, он обнимет его по-настоящему!

Но в итоге обнял только себя.

Дождь кончился.

Мир снова стал четким.

Но это был уже не тот мир, который знал Сюй Ван.

Не было коридора, школы, У Шэна.

Была ночь, но ясная, с луной и звёздами.

Он стоял перед воротами больницы, в недоумении глядя на красные, будто кровь, иероглифы:

«Центральная больница».

<http://bllate.org/book/14521/1286063>